Александр Пороховщиков. 2000

Александр Шалвович

Александр Пороховщиков:

у меня столько денег за границей, что трем поколениям хватит

Всякий раз, общаясь с Александром Шалвовичем, ловлю себя на мысли, что он совсем не вписывается в нынешнюю актерско-режиссерскую тусовку. Ему чужды надменность, снобизм. Он благороден, не злобливый. Не строит из себя звезду, хотя популярен и любим многими. По своим взглядам на жизнь Пороховщиков вообще консервативен, может, даже старомоден. И оттого, мне кажется, ему сегодня труднее.

Украл часы, чтобы попасть в банду «Черная кошка»

— Александр Шалвович, в храме Христа Спасителя часто бываете?

— Ни разу не был. И никогда туда не пойду.

— Что так! Казалось, вы, напротив, должны испытывать к нему особые чувства в связи с тем, что ваш прадед, лицеист, участвовал в строительстве того, первого, храма.

— Да, это так. И слава Богу, его восстановили. Все красиво. Но то, что сейчас там топчутся бывшие партийцы, безбожники — ужасно! Посмотрел я на них по телевизору: крестятся левой рукой, свечу держат в правой... Богохульники!

— Храм-то от этого хуже не становится.

— Конечно. Но если бы там никого не было, я бы туда заглянул. Один. Постоял бы... Часто проезжаю мимо: остановлюсь рядом, подумаю. Не обязательно в церковь заходить — Бог ведь в душе. Как не обязательно крест носить.

— Меня еще вот что мучит. Лет десять назад вы сказали, что не верите, а недавно — будто считаете, что неверующих вообще нет... Нестыковочка получается.

— Я говорил, что люди раньше признавались, будто не верят, хотя на самом деле были язычниками, потому что боготворили Сталина. Это худший вариант веры! Я же не верю в Христа, а верю в божественное начало.

— Я-то, честно говоря, подумала, что и вы тогда говорили, как нужно. Все же были «атеистами». А о том, что, например, у моей мамы-коммунистки всегда была иконка, подаренная ее мамой, нужно было молчать.

— Я в любое время говорил то, что думаю.

— И не было ситуаций, когда приходилось делать что-то вопреки своим желаниям и взглядам, потому что «так надо»?

— Почему? Бывали! Не буду говорить, что я ангел. И у меня было много ошибок. Но я никогда не переходил грань.

— Даже когда в детстве украли у мамы часы, чтобы попасть в банду «Черная кошка»?

— (Смеется.) Это было, да... Но бандиты сами же отвели меня обратно к маме и отдали часы. Такие были бандиты: они уважали ее. Многие из них стали интересными, талантливыми личностями. Это сейчас сплошь хамье.

— Все-таки есть фильмы, в которых вы ни за что бы не снялись, если б не болела мама и не нужны были так деньги!

— Ну что об этом говорить! Нищета же сплошная! Хоть я и не в худшем положении по сравнению с другими моими коллегами, тем не менее это просто бесстыдство: как мы работаем и какую получаем зарплату! По сравнению с депутатами, которые думают, что они больше художников приносят пользы. Глубочайшая ошибка!

— Однако и вы баллотировались в Думу.

— Баллотировался. Но только потому, что попросил Святослав Николаевич Федоров. Ему казалось, что я буду ему поддержкой, поскольку у меня есть свой зритель. Но я не собирался быть депутатом. Даже договор подписал: если бы мы прошли, мое место занял бы кто-нибудь из партии. Я политику презираю! Это мерзость!

— Хотя многие депутаты, наверное, решают там какие-то свои проблемы. У вас, думаю, их не меньше, чем у других.

— Они решают именно свои проблемы. И лишь единицы пытаются что-то сделать для других. Поэтому быстро-быстро оттуда уходят — их выталкивают. При такой нищете в государстве идти в депутаты — все равно что схватить за ногу жар-птицу и хоть немножко пожить нормально.

Мама-то у меня умерла от нищеты моей

— Близкие понимали вас, поддерживали, когда вы вынуждены были соглашаться на роли не в самых хороших фильмах?

— Очень многие знали, что у меня мама лежит в больнице и нужны лекарства. А это бешеные деньги — для мозга, чтобы кровоизлияния не было. Тихий ужас! Собственно, я так считаю, что мама-то у меня умерла от нищеты моей. Потому что, если бы у меня были большие деньги, я бы ее поместил в лучшую клинику мира. Чтобы не просто сустав (она сломала шейку бедра), а всю бы кровь очистили. Чтобы ни тромбов, ничего не было... Она же от тромба умерла. От закупорки...

— У вас же имя! Неужели вы не могли ее устроить хотя бы к лучшим московским врачам!

— А мне стыдно ходить и просить. Я не умею. И конечно, виноват в этом. Но, видимо, уж так судьба распорядилась. Ее должны были выписывать, я привез одежду... И она ушла из жизни. В тот же день... *(На глазах слезы.)* А перед этим Ирочке с сердцем было плохо, и ее привезли в ту же больницу. Прихожу: «Маму выписывают, ты тоже собирайся». Во как бывает! И все случилось, как я в картине снял. Так же заорал...

— Вас ведь многие отговаривали снимать маму в этом фильме, она была уже очень больна.

— Отговаривали. Но я все-таки снял. С ее же разрешения. У мамы было кровоизлияние, на съемки ее привезли на носилках. А оттуда она ушла сама и жила еще почти 6 лет.

— То есть это даже пошло ей на пользу!

— Да. Она же замечательная была! Жизнерадостный человек! Но, видимо, Богу надо было...

— А как вы решились жениться на Ирине, мама ведь долго не принимала ее!

— Не принимала, потому что поняла, что это серьезно. Впервые — серьезно. Почему и на дыбы-то встала. Она все время хотела, чтобы я женился...

— ...Но подсознательно боялась этого!

— Нет. У меня была масса женщин — интересных, очаровательных. Но всегда какие-то мелочи не совпадали с моим, так сказать, мироощущением. А я считаю, что любовь — такое состояние души, когда мы должны просто раствориться друг в друге, быть одним целым. Для чего тогда женятся? Происходит какая-то странная вещь: женятся как будто для того, чтобы друг друга мучить. Начинают издеваться... Я стараюсь, чтобы у нас с Иркой оставалось ощущение первозданности. Как первый раз потрогал ее ручку...

Самое потрясающее, что я с каждым часом, с каждой минутой все больше и больше люблю Ирку. Она совершенно чистый человек, замечательная девочка. Думаю, Бог мне и послал ее за то, что я никогда никого не обижал. Не злой человек, никому не приносил боль. Если только неосознанно кого-то обидел... Хотя мне гадостей много делали. И сейчас делают. Вся спина, как говорится, исколота лжедрузьями. Но я никогда не отвечал. Может быть, им от этого лучше... Почему-то в основном меня в жизни предавали.

— Вы однажды сказали, что, если б было можно, клонировали бы свою маму... Я ничего не путаю!

— Нет. Я могу это повторить.

— Это же не по-христиански.

— Думаю, Бог меня за это не накажет. Что я плохого хочу? Вернуть к жизни любимого человека. Такое уже возможно. И если будут деньги, обязательно оживлю маму. Будет такая маленькая... Ну, а что? В этом есть вечность.

Все сразу набросились: «Какой ужас! Еще и Гитлера оживят!» Но ведь на Гитлера можно оживить Жукова, на Наполеона — Кутузова. Природу не обманешь. Я считаю, это Богом данные вещи. Ведь дал нам свыше Создатель атомную энергию через гениальных людей. Так же и это открытие феноменально. Просто феноменально!

— Вы никогда не жалели, что не закончили мединститут и не стали врачом! Больных много, без работы бы не сидели...

— Мне до сих пор эта профессия нравится больше других. Но основная масса врачей живет еще хуже, чем актеры. Другое дело — частная клиника. Хотя я бы, наверное, так и работал в государственной больнице. Пойти разгрузить вагон не стыдно, а вот своей профессией зарабатывать... Я всегда думал, что должны быть люди, от которых зависит судьба художника. Но нашим правителям легче и удобнее править быдлом. Малокультурье жуткое! Класс аристократов стерт. А что творится в верхах?! Да, на «Мерседесах», да, в заграничных костюмах, да, у них шикарные виллы... Но смокаются на ковер. Если на пиджаке три пуговицы, застегиваются на три, будет двадцать — на все двадцать застегнутся. Не хочу обижать, там есть и одаренные, но... бескультурные.

— Вы по-прежнему отказываетесь от участия в рекламе!

— Отказываюсь. Я не против рекламы. Но люблю осознанную, которую делают талантливые люди. А предлагают все время какое-то убожество. Представьте, буду около лица мыло держать, про памперсы разговоры вести, мыть посуду... Ну, бред! Одно дело — у Макаревича на кухне. Тоже вроде реклама, но другая. Через вкусное, через талантливое, есть какая-то эстетика.

— Вы говорили, что из-за нищеты не можете родить ребенка...

— Конечно. И не скрываю этого.

— Это же ненормально!

— Ну как ненормально? Детка, я так воспитан.

— Дворянский род Пороховщиковых не будет продолжен!

— Будет. Сейчас я уже достиг уровня, когда могу иметь ребенка, у которого будет своя комнатка. Что делать — у меня это в крови: ребенок должен иметь свой угол. И не надо к нему лезть! Даже если он совсем маленький, сидит на горшочке, надо постучать в дверь: «Можно к тебе, Сашенька?»

— Вас так воспитывали!

— Так. И у Ирочки своя комнатка должна быть. Мы можем лежать в постели и заниматься прекрасными интимными делами (не надо называть их любовью, это совершенно другое!). Но как только она заснет, моя прекрасная, я должен идти к себе в комнату спать.

— Вы мешаете друг другу!

— Нет, просто так положено. Жена просыпается, смотрит на супруга: в ушах волосы, из носа торчат волосы. А если это все время?..

— Разве в близком не все прекрасно!

— Для меня все прекрасно. И для нее. Но во сне мы бываем разные. И не надо, чтобы при этом кто-то присутствовал. Ведь так испокон веков было. Я могу ее убаюкать и, когда она уснет, — уйти.

Хотел отцу сиделку нанять. Он: «Ты меня бросить хочешь!»

— Александр Шалвович, не лукавство ли — ваши разговоры о собственной нищете! Слышала, у вас счета в швейцарском банке.

— Это даже я слышал! Бабушка перед своим уходом из жизни сказала мне: «Шурик, ты ведь миллионер!» Дачи за границей остались — в Финляндии, во Франции. Есть фотография виллы в Ментоне. Предки были умные люди — заботились о детях и внуках. Но одновременно были и очень наивными: думали, Шурик поедет и все возьмет.

Кстати, первую машину мама купила мне на перстень деда. Когда его арестовали, энкавэдешники все забрали, оставив две-три какие-то штучки, в том числе перстень. 20 лет назад он стоил бешеных денег — шесть тысяч. Мама продала его грузину и купила машину, «двушечку» — я еще не мог заработать. Она у меня до сих пор в гараже стоит, развалюха. Помню, ездил и думал: надо же, деда нет, а он меня возит. Буфет стоит (его не уперли во время обыска), стол красного дерева, стулья. Если они переходили из поколения в поколение, значит, род существует. И я никогда их не продам. Лучше мешки пойду грузить.

— Может, стоит потратить время и силы, чтобы вытащить деньги из Швейцарии!

— Когда я возил свою картину в Италию, познакомился с одним миллионером, который признался: «Что-то фамилия знакомая...» Стал рассказывать ему, он и говорит: «А-а! Есть, есть... И даже трем поколениям хватит. Но вы ничего не получите. Не отдадим!» Оказалось, один из учредителей того банка. В общем, посоветовал мне самому этим не заниматься, а если будут деньги, нанять адвоката-международника. Никто же не отдает!

— А если попросить помочь заграничных родственников! Контакты-то с ними есть!

— Контакты есть. Ездили в Париж к моему троюродному брату. Он сюда приезжал. Из Индонезии какие-то два дядьки звонили, еще мама была жива. Один там художник известный, другой архитектор. Фильм «Цензуру к памяти не допускаю» получил во Франции главный приз — и пошла информация. Вот отреставрируем дом в Старо-конюшенном, который Лужков нам дал в аренду на 49 лет, и соберемся все вместе.

— Боже мой! Вы мне говорили об этом 4 года назад!

— Дорогая моя! Удивительно, как вообще это все состоялось. Ведь зависть патологическая! Надо статью в Конституцию внести, чтобы за зависть 15 лет давали. Я с 1995 года мучаюсь. Даже профессию свою попридержал. Мне бы в кино сниматься, на сцене играть, а я этими делами занимаюсь. Но уже готов полный пакет документов, есть все разрешения. Скоро фирмы начнут ремонт. Хотя гаденышей, конечно, много. Устраивали поджоги. Даже знаю, кто. Ну бог с ними. Отступать нельзя. Это ведь будет не только музей прадеда и деда, но и тех людей, на которых, собственно, государство держалось: художников, музыкантов, инженеров. Шаляпин, например, в этом особняке сделал первый набросок «Бориса Годунова». У нас там и небольшой театр будет...

— Вот вы жалели о тех работах, которые были сделаны по необходимости...

— Нет, я не жалел. За фильмы не отвечаю, некоторые из них просто убожество. Но своих ролей не стыжусь. Работал честно.

— ...Однако и отказывались не раз. В кино — от Кроликова в «Ширли-мырли», в театре — от «Царя Эдипа». О фильме умолчу, а вот Эдип, думаю, мог получиться у вас любопытным.

— Да... Но поставить «Царя Эдипа» — дело очень непростое. Такая должна быть собрана команда, чтобы получился шедевр! Как говорил Шаляпин, или взлет великий — или великое падение. Я не намекаю, что я — гениальный. Но для меня сейчас это роскошь — приходить в театр и с утра до вечера за эти копейки вкалывать. А тогда и с отцом были проблемы...

— Как он, кстати! Ему ведь, если не ошибаюсь, уже лет 90!

— Пока я жив, и папа жив. Сейчас в неврологической больнице. Нервишки лечит. Чтобы не было пессимистических настроений: жить не хочу, застрелюсь...

— После смерти жены он, наверное, совсем сник.

— Да, мама с ним возилась. И я вожусь. Когда совсем плохо — на спину его и тащу до ванны, до туалета. Это передать невозможно! Скоро надо будет забирать, ходить за ним. А кто будет? Ирку, что ли, заставлять? Она со своими-то родителями еле-еле справляется. Те вообще лежачие... Тихий ужас! Спасает только любовь. Я люблю своего отца. Люблю Иркиных родителей, как близких и родных людей. Так же и Ирочка.

— Как вас на все хватает?

— Не понимаю, как успеваю. Вот надо бы отцу няньку нанять, сиделку. А он: «Ты меня бросить хочешь!» У него психология такая. А мне же надо деньги зарабатывать.

— Вы никогда раньше не переживали, что живете с отчимом?

— Никогда. Я его родным считал, он же меня с трех лет растил. Тот папа ушел — этот пришел: в сапогах, гимнастерке, шинели. Военным архитектором был. Дедушку тогда расстреляли, и в наш дом боялись приходить. А он просто сказал моей бабушке: «Я люблю вашу дочь» — и остался.

Беседовала Татьяна ПЕТРОВА.

блиц-анкета

Кем хотели стать в детстве — путешественником

Ваше отрицательное качество, о котором знают все — доброта

Положительное, о котором не знает никто — не задумывался

Что бы вы взяли с собой на необитаемый остров — только свою Ирку. Никаких вещей не нужно — готов голышом ходить. Меня вообще не прельщает одежда. Я в этом плане человек непритязательный: долго ношу пиджак... Не из-за того, что костюма нет. Ну а чего? Главное — быть чистым, опрятным. Люблю старинные, классические вещи — например, жилетку

Ваш наибольший успех в жизни — не мне судить. Пусть люди скажут. А вообще — то, что я встретил девочку, которую полюбил, и она меня полюбила. Выше этого ничего нет

Наибольшее разочарование — предательство друзей. Поэтому у меня их нет — есть хорошие товарищи. Считаю, что друг вообще может быть один, как мама у меня была. Сейчас — Ирка. Друг — это все. Это как тет-а-тет с собой. Как частица тебя.

Сейчас друг — жена Ирочка

Это роскошь — вкалывать в театре с утра до вечера за копейки

фото из архива Алексея Петрова, Андрея Струнина